

18+

ЕРОФИМ СЫСОВЕВ

ПОВЕСТЬ БЕЗ НАЗВАНИЯ

Ерофим Сысоев

Повесть без названия

«Издательские решения»

Сысоев Е.

Повесть без названия / Е. Сысоев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531874-9

Действие развивается по двум взаимопроникающим линиям: «ленинский» пломбированный вагон движется через Германию в сторону Швеции, в то время как в помещении небольшого радиоканала в Петербурге идет обычная текущая работа — сотрудники возвращаются из командировок, материал готовится к эфиру... а вагон с революционерами тем временем приближается к балтийскому побережью.

ISBN 978-5-00-531874-9

© Сысоев Е.

© Издательские решения

Содержание

Ерофим Сысов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Повесть без названия

Ерофим Сысов

© Ерофим Сысов, 2021

ISBN 978-5-0053-1874-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ерофим Сысоев Повесть без названия

– *Как живёте, караси?*

– *Ничего себе. Мерси!*

В.П.Катаев

«Alle meine Entchen schwimmen auf dem See...¹»

Немецкая народная песенка

На платформе тускло и сухо, по-европейски, звякнул колокол, шаффнер в последнем вагоне, свесившись из двери наискосок, с ногой на подножке и рукою на поручне, дал длинный, тревожный свисток с переливом – и тут же впереди баском откликнулся гудок локомотива. Звякнули буфера, вздрогнули вагоны, и готические буквы «Готтмадинген» неспеша поползли к хвосту поезда. Через пару мгновений вокзал за окнами истаял и взору открылось во всём своем величии приграничное Бодензее – вытянутое и парное.

Лейтенант кайзеровской разведки фон Бюринг, по грудь высунувшись в окно, на прощание повертел по сторонам головой, затем незаметно, как ему показалось, сплюнул на убегавшее из-под вагонных колес полотно и, откинув назад корпус, потащил кверху раму – конец марта в этом году выдался не особенно теплым.

Покончив с окном, Бюринг немедля вышел в салон вагона.

– Каспада! – Голос лейтенанта торжественно зазвенел. – Каспада! Примьте мои поздрафления. Карошего пути!

Уже собравшиеся в салоне путешественники взволнованно зашумели, трогая друг друга руками за плечи, ладони, лацканы и проч. Побежали шепотки, возникли группки, где-то в нижнем ярусе захихикали и забегали притихшие было дети. Валя Морточкина, стройная, переодевшаяся в легкую дорожную кофточку, прижимаясь плечом к Гоше Сафарову, тыкала нежным пальчиком гейши в листок с гранками, вползвука настаивала, подчеркивая что-то в строчке подпиленным ноготком; из угла салона на возбужденную молодежь поглядывал Миха Цхакая – с сократовским профилем, с седою, как снег, бородкой, – и не без довольства опраивлял ладонью белоснежные же усы.

– Мама... какать... – вдруг всеслышно заявил о себе четырехлетний Стеша Радомысльский.

Злата Ионовна робко переглянулась с Саррой Равич... но тут из своего купе наконец, широко и ласково улыбаясь, появился Ильич с пачкой самодельных билетиков на посещение сортира. Мальчик, вдруг сделавшийся неловким ввиду своей внезапной нужды, протянул билетик на кайзеровскую территорию приветливому фон Бюрингу. Злата Ионовна, полузаметно кивнув головой мужу, гордо подняла подбородок – и прошла в немецкий туалет без билета. Фон Бюринг, вжавшись в стену прохода, начисто подтянул свой обозначающийся уже служебный животик, выпучил по прусскому протоколу глаза на даму и сделался незаметен...

...Я родился в женский праздник, 8 марта 19.. года – неудивительно, что гетеросексуальность надолго, если не навсегда, сделалось моим кредо: звезды не обманешь, а если еще и Сатурн в Козероге – то в общем-то всё: сливай воду, как говорилось в народе до введения в обиход антифриза. И в ретроградной фазе тут не обойтись без разборов, анализов – что,

---

¹ «Все мои уточки плавают по озеру...»

собственно, и занимает меня чуть ли не всё время досуга, лишая сна и покоя. Хочется знать правду... хотя где ее, правду, найдешь, когда всё везде зашлаковано и закислено безвозвратно.

Отец что-то мерил прибором по службе, находясь в краткосрочной командировке «на островах», а мать в этот день поехала с нашими кумушками на толкучку в Камисикуру, в бывшем японском секторе Сахалина, и там, прямо на рынке, у нее пошли схватки – японцам ничего не оставалось, как пригнать санитарный фургон и отвезти мать рожать в свой местный госпиталь, оставшийся от военных.

Отец, вернувшись, увидел меня уже вполне крепким и самодостаточным десятидневным подростком: японцы перевезли мать на четвертый день после родов к бывшей границе и сдали под роспись нашим военным властям. Кстати, гражданское право трактует ребенка до девяти дней от роду как существо неосмысленное, по-прежнему, как и в ходе беременности, называя его неприятным словом «плод»; на десятый же день, при встрече с отцом, я уже сменил статус, превратившись из плода в юного советского гражданина, пусть и сомнительного – в смысле места рождения – происхождения...

...Стеша, справивший нужду «у кайзера Вильгельма», как тут же, не сговариваясь, стали называть этот угол вагона путешествующие, был водворен в купе Зиновьевых, едва успев коснуться подола строгого платья «тети Сарры», по кличке Ольга, – та, в свою очередь, тоже отправилась восвояси, в купе к Инессе, напоследок вполоборота оделив соперницу уничтожающим взглядом. Злата Ионовна, поджав губки, вспомнила о трех годах разницы и, ядовито прошипев «Карпинсская», ретировалась в зиновьевское купе...

...И отец, и мать получили по службе взбучку, но приграничная торговля у нас тогда не возбранялась, поэтому и взбучка была несильной: отцу достались несколько внеочередных дежурств у себя на станции и запись в личное дело, а матери вклеили выговор с невнятной формулировкой. Этим всё и кончилось, если не считать особиста из военной части, который, переписывая мою содержащую сплошные иероглифы японскую метрику в бланк свидетельства о рождении, на чем свет стоит ругал либеральные сахалинские порядки и обещал жаловаться «на самый верх».

В целом же моему появлению на свет все были рады – детей тогда просто и бескорыстно любили.

Тяга к другому полу дала знать о себе весьма рано, а первые опыты плотского принесли нехарактерные для мальчикового возраста хлопоты: айны, коренной народ Сахалина, всё еще в массе своей существа девственной культуры; раннее созревание девочек воспринимается у них впрямую, знаково, а таких девчонок-айно в классе у нас было пятеро. Но об этом здесь лучше умолчать, чтобы не перегружать, так сказать, ткань повествования...

...Наутро в коридоре у туалета появилась меловая черта. Шептались, что прочертил ее сам Ильич, чтобы ограничить контакты с прусскими офицерами – генштабовец капитан фон Планитц производил впечатление провокатора, способного разболтать об этой поездке кому угодно, лишь бы заполучить в обмен на проезжающих побольше немецких военнопленных.

Ехать до Засница на Балтике предстояло почти тысячу вёрст; многие уже задумывались о пополнении взятых в дорогу съестных припасов: обещания Платтена по мере удаления от Цюриха казались всё более сомнительными, немецкие виды за стеклами окон не располагали к иллюзиям. Опять всё упиралось в прусских офицеров: без их расторопности, а главное доброжелательности рассчитывать на обильный стол не приходилось. А тут еще эта черта на полу вагона. Шепотки не утихали...

...Потом отца перевели служить в Ленинград, город нервный и пасмурный. Целомудрием, как известно, Питер тоже не отличается; тут мои впечатления стало просто некогда осмысливать: мальчик, как говорится у классиков, «навидался видѳв». Что касается теории, то она долгое время оставалась для меня совершенно закрытой книгой: Франсуазу Саган я прочел уже вполне взрослым и долго недоумевал, долистав книжку до последней страницы: неужели всё *у них* действительно так. «Ты наивный, просто как дурак!» – заметила мне тогда супруга, с которой я неосмотрительно поделился впечатлениями...

Только что передали по радио: разбился самолет на Азорах. Я как раз наблюдал в обрешечной, как пакует в коробки наш журнальчик, и от скуки возился с библией издания американской методистской церкви, изучая ее переплет: пластиковая корочка-обложка каким-то немыслимым образом соединялась с толстым пакетом страниц – ни клея, ни обычных в таких местах рыхлых тряпочек типа марли... В общем, чудеса техники.

Когда диктор закончил с новостями, книжка сама собой раскрылась в начале, и взгляд невольно побежал по строчкам – «...Иехония родил Салафиила...».

Далее выяснилось, что Салафиил в назначенный срок родил Серуббабеля, тот – Авиуда, Авиуд – Елиакима, а Елиаким – Азора. И после этого скептики говорят, что мыслеформы нематериальны! Салафиил рождает не просто Бабеля – это бы еще держалось каких-то рамках... нет, он, вопреки всем законам природы, рождает Бабеля со странным для слуха префиксом, тот через какое-то время обзаводится праправнуком, и португальцы легкомысленно дают вновь открытым островам в океане его имя. И что? «Мана сеньге результат», – как величаво выражаются носители тюркского словарного багажа. На Азорах теперь катастрофа за катастрофой.

Легкость мысли у меня после кислоты просто необычайная. Шеф не нарадуется, хотя и старается не показывать этого слишком явно...

...Беззвучно исчез за окнами Зинген, в котором вагон прицепили к другому составу, и сразу за ним поезд потонул в Шварцвальде: так и пошли чесать по бокам синие ели, увешанные доверху рыжими, празднично поблескивавшими свежей смолой шишками.

В баденском Хаттингене сделали остановку. Фон Бюринг, едва дождавшись пока вагон станет, спрыгнул с подножки на перрон и помчался к вокзалу, придерживая одной рукой брякающую по мостовой саблю, а другой – блестящий шлем со шпигцем, доставшийся ему в штабной каптёрской немного не по размеру.

Пассажиры прильнули к окнам, легкомысленно нарушая данные в Цюрихе Платтену обещания сохранять в пути инкогнито.

Наконец снова появился Бюринг. Теперь он шагал неспеша, ножны с колесиком на конце волочились по платформе, звонко отщелкивая сор и камушки, а руки лейтенанта оттягивали две громоздкие корзины. Шлем, наползая на глаза, сидел на голове крепко, отливая полуденным солнышком.

– Каспада! – Голос фон Бюринга вновь зазвенел. – Каспада! Прашу угощатца... курка, млеко... яйки.

Пассажиры восторженно загомонили. Звякнул колокол на перроне. Путь теперь лежал в Штутгарт...

...Брак мой окончился весьма скоро, мы не сошлись характерами, и теперь предстояло как-то разъехаться. Я уже ночевал по знакомым и вскоре вновь закутил по-холостяцки: текила, немножечко кислоты... и, конечно, разумное, вечное – то есть дамы и девушки. Удивительно, как скоро всё это сплелось в упругий клубок, которой, казалось, уже никогда не распутать.

На Гражданке² давали «гумилевскую» лекцию. Цыпин заехал за мной на своем потасканном «москвиче», по пути мы подобрали нашу протезе – студенточку филфака, щедро одаренную жизнелюбием и формами, – и через час уже толкались в тесной прихожей, среди множества шуб и пальто, остро пахнувших морозной улицей. «Этот русский запах снега...», как подметил много раньше в Париже дон Аминадо, он же Аминодав Шполянский, лирик, масон и эмигрант отчасти сатирического толка.

В дебрях путаных и еще не ухоженных новостроек в огромной – по меркам советским – пятикомнатной квартире, сдержанно меблированной потемневшими от времени пузатыми комодами, кривоногими креслами и банкетками, собралось около полусотни человек. Тут был даже рояль – не потемневший, а вполне современный и потому отчасти профанирующий хозяйскую мебельную декорацию. Ждали кого-то из сподвижников теоретика пассионарности. Наконец он тоже прибыл, наскоро прикрепил к стенам кнопками большие листы оберточной бумаги – и лекция началась.

На листах пестрели контуры географических карт с неровно заштрихованными очагами распространения славянских племен и их природных супостатов. Интенсивно-синтетические цвета толстых волоконных фломастеров, тогда едва появившихся, делали импровизированные карты необычайно нарядными. От славян к супостатам тянулись жирные и яркие стрелы. На глазах зарождалась империя.

С филфаковской девушкой, которой меня нагрузили знакомые за честь попасть на неофициальную и не заявленную *где надо* лекцию, мы по дороге болтали. У ее дома на Некрасова и Цыпин, и я галантно вылезли из машины, раскланялись, а затем пассажирка уселась на заднем сидении и мне из деликатности пришлось занять переднее место, справа от Цыпина. Сам не знаю, как моя левая рука непроизвольно завалилась за спинку сидения и оказалась сзади, так сказать на женской половине, но она тут же была ухвачена нашей спутницей, теребившей ее затем до самой Гражданки. Было неловко перед Цыпиным.

Назад на Некрасова мы добрались на удивление скоро, и когда я подвел нашу даму к подъезду ее дома, она вдруг снова вцепилась мне в руку.

– Пойдем! – Ее глаза раскрылись в пол-лица. – Ну пойдем же! Чаю!.. – Она чуть смутилась и выглянула из-за моего плеча. – И вы, э... Цыпин, пойдемте... Если хотите...

Цыпин сослался на занятость: голосующей публики на вечерних улицах было достаточно, а каждый владелец автомашины чувствовал себя в те годы немного таксистом...

...От Штутгарта поезд круто взял вправо, на север, к Франкфурту. Из окон вагона на повороте пути стал виден почти весь состав – а главное, окутанный клубами пара локомотив впереди, набирающий ход на пологом подъеме.

– Мама... – медленно и восторженно проговорил маленький Стеша, не отрываясь от оконного стекла. – *C'est la a гиссен паровоз...*

Злата Ионовна гордо оглядела присутствующих.

– *Oui, mon ange, le train est bon...*

И она снова обернулась к собравшимся у окон вагона пассажирам.

– Господа!

Голосок тридцатипятилетней революционерки был не лишен приятности. Папа Златы, мукомол Евно Левин, он же Бернштейн, в скромных условиях сельской Виленщины сумел вырастить яркую большевичку. Сарра Равич привычно завозилась в своем углу, подталкивая локтем Инессу.

---

² Гражданский проспект в Ленинграде и неформальное название прилегающих к нему кварталов.

– Господа! – продолжала Зиновьева. – Вскоре Овсей Аронович введет вас в курс текущего международного положения. Милый лейтенант фон Бюринг принес нам со станции свежих газет, муж уже принялся за выписки.

Путешественники согласно закивали головами...

...Фрикции опускаю.

Когда мы снова уселись за стол в кухне, лица у нас горели.

– Я тебе очень нравлюсь? – просто и радостно спросила студенточка, поведя расширенными зрачками.

Я поперхнулся.

– Подожди... – моя новая дама возвела очи к потолку. – Я тебе сейчас почитаю...

Она поднялась со стула, сложила руки в замок под высоко вздымающейся грудью, глубоко вдохнула и начала, немного подвывая и покачиваясь:

Разлет померанцевой ветки
И горечь нагая листа,
Назойливый запах соседки,
Вместилища льда пустота...

– Классно! – перебил я. – Это твои?.. А «вместилище льда»... это холодильник?

Лицо ее слегка вытянулось.

– Прости... – тут же поправился я. – Это я сам с собой. Знаешь... нарушения кровоснабжения. Со мной бывает иногда – от нагрузки...

Она ласково улыбнулась.

– Жаль... Я хотела... – Она потупилась. – Я хотела еще...

Пищит айфон: смс-ка, и не одна. У меня дедлайн по заметке в журнал пацифистов через неделю, а написано всего только семь страниц, и те не вычитаны. Название статьи – «Социодинамика британских бомбардировок Рейнско-Рурской области в 1940—1944 годах». Кто это будет читать?! Неудивительно, что я так туплю и злоупотребляю текилой.

Кстати, у истории с гумилёвской лекцией есть продолжение. Цыпин после нее с неделю был не в себе от пассионарности и этногенеза, а потом вдруг выиграл гринкарту в Штаты и тут же открыл визу. Филфаковская студенточка выскочила замуж и тоже отправилась за рубеж. У нее к этому времени было пятимесячное пузико, а в нём девочка – если верить ультразвуку.

Цыпин в Америке собирался возить различные грузы и вообще не вылезал из автошколы: права на грузовик с прицепом были уже у него считай что в кармане. Старый цыпинский «москвич» я получил даром. Он всё еще ездит, только мотор жрет немеряно масла, надо менять кольца. Кстати, и ключ от Цыпинской комнаты тогда тоже достался мне. Жизнь, как говорится, налаживалась...

...В Штутгарте простояли не менее часа. Вагонная скученность уже давала себя знать: дамы говорили друг другу колкости, курящие мужчины пытались пробраться в клозет без билета, чтоб подымить там всласть и в покое, у немецких офицеров лица всё больше деревенели. Что-то не так оказалось и с принесенным фон Бюрингом молоком: ближе к вечеру в туалет уже стояла очередь, а Ильич едва успевал выписывать всё новые и новые билетки на немецкую территорию. Но так или иначе треть пути по немецкой земле осталась позади, во Франкфурте планировалась ночевка в покое, в тупике, как это было в Зингене, и за следующие сутки пути Швеция должна была стать наконец вполне осязаемой...

...Иногда остро хочется чего-нибудь позитивного. Можно, наверное, попить зверобоя или хотя бы сдать анализы на серотонин, но всё это стоит теперь денег, которым, конечно, всегда находится лучшее применение. Так и живем в тревогах и скорби, как мушки или подводные рыбы из океана, из глубины... Там темно и сыро, и только тина и ил. Тина и ил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.